

МИХАИЛ ТЯГЛЫЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЦЫГАНЕ УКРАИНЫ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕННОСТИ, ПРЕПОДАВАНИЯ И УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ» (2 августа 2008 г., Киев)

Общеизвестно, что одной из этнических групп, подвергавшихся в годы Второй мировой войны во многих местах Европы уничтожению лишь по причине своего национального происхождения, были цыгане. Однако научный интерес к судьбе цыган в период нацистского господства возник довольно поздно. Первой из научных работ, которая привлекла внимание исследователей войны к проблеме геноцида цыган, была в 1951 г. статья пережившего Холокост еврея, историка Филиппа Фридмана с парадоксальным названием «Уничтожение нацистами цыган – нацистский геноцид “арийского народа”». Общественное звучание трагедия цыган получила лишь с середины 1960-х гг. благодаря усилиям известного «охотника за нацистами» Симона Визенталя, который в 1965 г. собрал и передал документы об этом в Центральное бюро по расследованию нацистских преступлений в Людвигсбурге. Несмотря на то, что на сегодняшний день уже изданы сотни мемуаров, статей и несколько монографий, тема остается исследованной совершенно недостаточно; показательно, что существуют разногласия даже по концептуальному вопросу о том, было ли уничтожение цыган тотальным, осуществлявшимся на основе расистской идеологии и выполнявшимся повсеместно в соответствии с имевшимся намерением и оформленным затем планом, с использованием мобилизованных для этого технических ресурсов и административных звеньев различных уровней, работавших для достижения одной цели. Положительный ответ на этот вопрос дают ученые Сибил Милтон, Ян Хэнкок. На противоположном полюсе обнаружим мнение, выраженное в трудах историков Иегуды Бауэра,

Майкла Циммерманна, Гюнтера Леви: антицыганская политика нацистов не имела ярко выраженной расово-идеологической основы, не являлась выполнением принятого относительно всех цыган единого плана, не носила черты универсальности, не имела целью повсеместное уничтожение цыган.

Чтобы дать исчерпывающий ответ, необходимо представлять общую картину событий, как минимум – обладать знанием о численности погибших, о политике центральных властей Третьего рейха и местных особенностях при ее осуществлении. Однако именно она, региональная специфика антицыганской политики, изучена крайне недостаточно. В работах зарубежных историков территория Украины почти не рассматривается; статистика крайне отрывочна, значительные комплексы архивных источников до сих пор не введены в научный оборот, не изучена позиция различных ветвей оккупационной администрации в Украине по «цыганскому вопросу» и т.п. Главное же – проблема трагической судьбы цыган, ее структурного сходства и принципиальных отличий от политики по отношению к другим категориям населения Украины все еще отсутствует как самостоятельная научно-исследовательская проблема в украинской историографии; в области преподавания и увековечения особой судьбы народа практических действий в Украине не предпринимается: сказывается долгий период подавления научного интереса к судьбе различных этнических групп в годы войны и оккупационной политике по отношению к ним, усугубляющийся в наши дни настойчивым распространением в общественном сознании моноэтнической националистической модели украинской истории – и тема эта по сей день остается «терра инкогнита», не привлекающая должного внимания со стороны историков Второй мировой, оставаясь на задворках исторической памяти украинского общества и наталкиваясь таким образом на тотальное безразличие.

Постановлением Верховной Рады Украины от 8 октября 2004 г. в Украине учрежден *День памяти Холокоста ромов (цыган)*, приходящийся на 2 августа (акция уничтожения цыганских узников лагеря Аушвиц в 1944 г.). Государство Украина делает первые шаги на пути к присоединению к системе мероприятий под названием «Десятилетие ромской интеграции в 2005–2015 гг.» (Ромская декада Европы), реализуемых Советом Европы. Однако в текущем году никаких государственных мер к данной дате запланировано не было. В этом случае (увы, как и во многих аналогичных) показательно, как в условиях игнорирования государственными органами своих прямых обязанностей инициативу берет на себя гражданское общество. Украинский центр изучения истории Холокоста при поддержке Фонда им. Фридриха Эберта к этой дате подготовили и провели 2 августа 2008 г. в Киеве Международную конференцию *«Цыгане Украины в период Второй мировой войны: современное состояние изученности, преподавания и увековечения памяти»*.

Участниками встречи стали исследователи из Украины, России, Германии, Норвегии, которые представили свои разработки и в результате обсуждений и обмена имеющимися подходами предложили дальнейшие пути исследования, а также специалисты в области преподавания. Конференцию посетили и представители цыганских национально-просветительских организаций, непосредственно контактирующие с пережившими преследования цыганами и посредством культурно-просветительской деятельности вовлеченные в процесс сбора свидетельств, устных и письменных воспоминаний о пережитом в годы оккупации.

Однодневная интенсивная встреча была открыта вступительным докладом профессора, д-ра Вольфганга Випперманна (Берлин), автора книги «Шоа и Порраймос в сравнении». Проф. Випперманн охарактеризовал основные направления немецкой историографии и проблемы, которые удалось решить исследователям в Германии за последние десятилетия. Он солидаризировался с теми учеными, которые считают геноцид цыган тотальным и запланированным, а ответственность за нацистскую антиромскую политику возлагают не на отдельные сегменты нацистского государства, а на все немецкое общество, принявшее, по их мнению, активное участие в геноциде. Далее работа конференции была построена по трем последовательным сессиям, каждая из которых, по замыслу организаторов, была призвана осветить отдельные наиболее важные аспекты истории геноцида цыган и связанные с этим вопросы современности.

Первая сессия *Нацистская политика по отношению к цыганам в оккупированном СССР. Источники* объединила выступления исследователей, содержавшие анализ принципов оккупационных мероприятий в разных регионах Советского Союза, с указанием на общее и особенное между рейхскомиссариатами Остланд и Украина, внутренние противоречия между ветвями администрации и полицейскими ведомствами (д-р Антон Вейсс-Вендт, Осло), с анализом вклада структур полиции безопасности и СД и подразделений Вермахта в «решение» «цыганского вопроса» и статистическими итогами антицыганской политики (к.ф.н. Александр Круглов, Харьков). Для успешной исследовательской работы первостепенное значение имеют источники, с которыми работает и на которые опирается историк. В связи с этим отдельное внимание было уделено документам Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их особенностям как ресурса по теме; Мартин Холлер (Берлин) проанализировал те «сильные» и «слабые» стороны документов ЧГК, которые необходимо учитывать каждому исследователю, работающему над темой геноцида цыган. Особенности другого значительного пласта документов, созданных, в отличие от первого, относительно недавно, – комплекс устноисторических свидетельств, записанных на

видеоленку и ныне хранящихся в Институте визуальной истории при университете Южной Калифорнии, – был охарактеризован Анной Ленчовской (Киев).

В следующей сессии *Региональные особенности нацистской политики по отношению к цыганам на Украине* тематический акцент был перенесен непосредственно на земли Украины; в представленных на этой сессии выступлениях были освещены специфические черты политики оккупантов в различных регионах Украины: в Закарпатье (д.и.н. Май Панчук, Киев), Галиции (к.и.н. Жанна Ковба, Киев) и в Крыму (Михаил Тяглый, Киев). Отличительной особенностью региональных исследований является то, что при более «крупномасштабной» фокусировке на пределах одного региона исследователь имеет возможность не только проследить, как местная оккупационная администрация реализовывала поступающие из имперского центра распоряжения, но также ввести в научный оборот и выявить роль местных факторов и локальных акторов, зачастую принципиально видоизменявших уже сложившуюся политику. Так, выясняется, что факт религиозной и этнокультурной близости значительной части крымских цыган – чингене – к мусульманским крымскотатарским соседям способствовал коренному изменению нацистской политики в отношении цыган на полуострове и позволил уцелеть значительной части крымских цыган. Отметим, что именно в более интенсивной проработке региональных особенностей – при умении не утерять из виду общие закономерности – заключаются, на наш взгляд, первоочередные задачи, стоящие перед отечественными исследователями.

Вышеперечисленные методы исследования, при всей их необходимости, однако, не могут оставаться единственно возможными, так как предполагают взгляд на цыган как на безликий объект научного описания и сухого анализа. Между тем, речь идет о людях, которые переживали издевательства, преследования, уничтожение... Именно поэтому третья сессия *Геноцид в исторической памяти общины и общества* снова-таки предполагала смещение фокуса исследования – на этот раз в сферу личностной и коллективной реакции жертв. Любая переживающая преследование группа реагирует на трагические события сообразно накопленному коллективному опыту, выработанным в этнопсихологическом багаже стратегиям выживания, задействует присущие ей модели поведения. Известно, что на протяжении столетий у цыган вырабатывались особые механизмы взаимоотношений с властями, которые могли оказать влияние на ситуацию в годы войны и обеспечить выживание. Особенности коллективных и личностных стратегий выживания цыган в годы геноцида был посвящен доклад Николая Бессонова (Москва), выявившего и описавшего специфические закономерности, отличавшие, скажем, реакцию цыган от поведения другой повсеместно преследуемой группы – евреев, а также суммировавшего опыт отношения к цыганам их этнических соседей

в разных ситуациях. Другой неизученный аспект – это особенности исторической памяти цыган и степень сохранности сведений о трагедии в послевоенном массовом сознании группы, а также то, до какой степени пережитое определяло послевоенное поведение, адаптацию цыган и их интеграцию в социум. Попытка проанализировать эти вопросы была предпринята в выступлениях Алексея Данилкина (Белая Церковь) и Евгении Навроцкой (Ужгород) о сборе устноисторических свидетельств переживших геноцид цыган.

Изучая тот либо иной пример геноцида, нельзя ограничиваться лишь научным, историческим подходом. Очевидно, что массовые трагедии и наше осмысление этих событий несут в себе огромный образовательный и педагогический потенциал. Как и в случае с Катастрофой еврейского народа, страдания и преследования цыган раскрывают перед учителем массу возможностей донести до детей универсальную нравственно-этическую проблематику, продемонстрировать дилеммы морального выбора, вовлечь учеников в процесс сопереживания и таким образом добиться большей эффективности обучения. Используется ли этот потенциал авторами украинских учебников и пособий? Ответ, прозвучавший в презентации эксперта Всеукраинской ассоциации учителей истории и общественных дисциплин «Нова Доба» Александра Войтенко, – неутешителен: не только геноцид группы, игравшей ярким оттенком на палитре многонациональной и поликультурной истории Украины, не представлен в учебниках – цыган в украинской истории словно бы не существовало вовсе!

Переходя от конкретно-исторической проблематики к ее преломлению в современности, участники ознакомились с предложениями Сергея Ермошкина (Одесса), сочетавшими уникальный опыт государственного чиновника и романа по происхождению – размышления «из первых рук» о путях дальнейшей деятельности по изучению, преподаванию и увековечению памяти в сложных современных организационных и политических условиях. Собственно, эта тема стала доминирующей в ходе последовавшего затем круглого стола *Современное восприятие трагедии цыган Украины в годы Второй мировой войны. Роль государства и гражданского общества в изучении и увековечении памяти погибших*. Наиболее жаркое обсуждение в ходе круглого стола вызвали вопросы о степени вовлеченности в геноцид различных сегментов немецкого и украинского общества, об ответственности за память о геноциде среди современников, о способах привлечения государства к решению проблемы отсутствия памяти о геноциде в общественном сознании.

Подводя итоги, подчеркнем как, на наш взгляд, сильные, так и слабые стороны состоявшейся научной встречи. Возможно, вполне объяснимо, что впервые в Украине конференция на данную тему была проведена организацией, которая приобрела некоторый опыт в организации изучения и преподавания

судьбы евреев Украины в годы нацизма. Полвека назад так произошло на западе, теперь так происходит у нас. Это и закономерно: в выделившейся за последние десятилетия в отдельный комплекс гуманитарных дисциплин области под названием *Holocaust Studies* накоплены методики и подходы исследования, применимые к анализу самых различных случаев геноцида; в случае же с трагедией цыган, происшедшей в том же географическом и хронологическом отрезке, определенные параллели и сравнения напрашиваются сами собой (несмотря на то, что наряду со сходными чертами эти явления содержат и немало различного). Не случайно практически ни одно выступление не обходилось без методологической либо нарративной ссылки на реалии нацистской политики по отношению к евреям, а одним из прозвучавших на завершавшем встречу круглом столе было предложение о создании в структуре Украинского центра изучения истории Холокоста отдела (сектора, направления) по исследованию нацистской антицыганской политики. Конференция продемонстрировала как богатство методологических и дисциплинарных подходов (попытки социопсихологического и этнопсихологического анализа поведения жертв, грамотного критического подхода к источникам, профессионального обращения к тематике персональной и коллективной исторической памяти, политики истории или вопросам идентичности), так и некоторые примеры обращения к понятиям, имеющим весьма отдаленное отношение к научному инструментарию (термины «этническая ментальность», категории «предателей» и «пособников» и т.п.). Очевидно, что дальнейшее движение в области изучения судьбы цыган в годы войны непредставимо как без использования методов различных гуманитарных дисциплин, так и знания контекстных областей истории (истории нацистской Германии и Второй мировой войны, национальной истории государств, где жили цыгане, собственно истории цыганских общин и т.д.). Выразим надежду, что конференция станет событием, которое послужит отправной точкой и импульсом для дальнейшего изучения данной тематики и привлечения к ней научно-исследовательского интереса, чему будет способствовать и планируемый к публикации сборник материалов этой научной встречи.